

А Л А Н

У О Т С

Д А О

П У Т Ъ

В О Д Ы

Алан Уотс
Дао. Путь воды
Серия «Духовные практики»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67481082
Дао. Путь воды / Алан Уотс: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-134235-7*

Аннотация

Алан Уотс (1915-1973) – известный британский философ, писатель, лектор, один из самых выдающихся переводчиков и популяризаторов восточной философии на Западе, написал более 25 книг.

«Дао. Пусть воды» – последняя книга Алана Уотса, которая так и не была дописана.

В ней автор переосмысливает древнюю философию Дао, обращаясь и к старым, и к современным источникам; дает пояснение, почему Дао можно записать только китайскими иероглифами и какой это имеет смысл; описывает четыре основных принципа даосизма: полярность Инь-Ян, Дао, Увэй и Дэ и объясняет, в чем состоит главная ошибка в постижении Дао.

Он трактует китайское учение Дао в той же манере, что и дзен-буддизм в своем классическом фундаментальном труде «Путь дзен», – просто, но в то же время глубоко и достойно. Критики сошлись во мнении, что эта работа – последняя в его творческом и

жизненном пути – стала лучшим памятником жизни и литературы Алана Уотса.

Написана в сотрудничестве с Аль Чанг-лян Хуангом.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Хуан Чжунлянь	5
Предисловие автора	17
Пролегомены	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алан Уотс

Дао. Путь воды

Хуан Чжунлянь

Предисловие

Последнее утро, которое я провел с Аланом Уотсом, мы встретили в его библиотеке, откуда открывался вид на Мьюирский лес. Мы пили чай, играли на бамбуковой флейте и перебирали струны кото в окружении эвкалипта. Только закончилась неделя наших занятий в Эсаленском институте в Биг-Суре и на пароме Общества сравнительной философии в Сосалито. Я помогал ему с его книгой, а он только дочитал мою рукопись «Обними тигра и вернись в горы». Мы сидели на полу, разбирались в записях, кивали друг другу и улыбались. Вдруг Алан резко вскочил и начал радостно танцевать, импровизируя на манер Тайцзи, выкрикивая при этом: «Ага! Тайцзи – это *Дао*, *увэй*, *цзыжань*, он как вода, как ветер, как мореплавание и серфинг, танцуй руками, головой, спиной, бедрами и коленями... танцуй кистью, голосом... Ха-ха-ха! Ла-ла-ла... Ох...о...». Он грациозно сел за свой рабочий стол, вставил бумагу в печатную машинку и начал танцевать по ней пальцами, все напевая и напевая... Он пи-

сал предисловие к моей книге, в котором прекрасно выразил всю сущность Тайцзи. Вероятно, это было последнее, что он написал перед изнурительной поездкой с лекциями по Европе, которая оторвала его от этого стола – и от его нового способа спонтанного, веселого писательства.

Алан хотел, чтобы книга про *Дао* написала себя сама. Как ученый, он знал, что обнаружит новые темы и вариации, в которых соединяются Восток и Запад. Но как человек *Дао* он понимал, что должен перестать контролировать ее своим умом. Ведь книга ясно говорит: «Дао, которое можно описать, это не *Дао* вовсе»¹.

---

¹ Здесь имеется в виду первая строка центрального памятника даосизма: Дао Дэцзина (####) в классической разбивке на 81 чжан (#) (параграф\главу): ##### – переводится она по-разному: «Дао, которое может быть названо, не есть истинное Дао»; «Если Дао могут высказать, Дао не является незыблемым» и т. п. У самого слова «Дао» существует огромное количество значений: дорога, путь, способ, средство, закон, принцип, истина, учение, мнение, основание, проводить, проходить, говорить, выражать и другие. Многие из этих значений обыгрываются в трактате, и в первой фразе сам иероглиф # является разной частью речи, в зависимости от позиции в предложении: существительное и глагол, а потому перевод на любой другой язык здесь затруднен, и в оригинале по-английски автор предисловия весьма интересно подходит к переводу «The Tao that can be Tao-ed is not the Tao», т. е. пытается придать существительному «Тао» глагольное значение, сохранив «корень» существительного. В любом случае сама первая фраза ставит проблему «номинации», «называния» Дао как трансцендентной истины – как только она облекается в слова, отсекается множество ее составляющих, а потому истинное Дао нельзя полностью передать словами. Также в отношении названий стоит отметить, что китайские труды и термины в транскрипции принято обычно записывать курсивом, без кавычек. Т. е. Чжуан-цзы будет обозначать труд, а Чжуан-цзы – философа Чжуан Чжоу, который имел титул цзы и написал труд Чжуан-цзы – (Прим. науч. ред.)

Алан долгие годы работал над своими книгами, пытаясь описать то, что по природе своей неопишимо, и в конце концов он все-таки сдался – теперь писал не он, книга писала себя сама. Он обратился ко мне за поддержкой. Алан очень хотел ощутить гармонию тела и ума с течением *Дао* в занятиях Тайцзи²! И он наслаждался своей новообретенной энергией. Первые пять глав он писал так воодушевленно, словно совершил великое открытие и он весь сиял, озаренный своим творчеством! Все мы наблюдали за тем, как Алан пишет, и даже не сомневались, что это будет его лучшая книга и, конечно, самая живая и полезная. Мы никак не могли дождаться, когда он ее наконец закончит!

С самого начала для меня было большой честью и радостью помогать Алану. Больше всего ему нравилось, когда я читал оригинальные китайские тексты. Мы оба с волнением разбирались в трудных местах, где можно было наткнуться на двусмысленность или истолковать фразу разными способами. Мы смотрели на все существующие переводы, спорили, пытались понять их и отбрасывали в сторону, а затем брались за перевод сами, потому что очень хотели создать тот вариант, который нам бы понравился.

Благодаря Алану я перестал стесняться того, что не мо-

---

² Здесь, конечно, имеется в виду не просто Тайцзи (## «Великий предел») – то, что иногда ошибочно называют символом «Инь-Ян» – а именно Тайцзицюань ## # (букв. «кулак великого предела» – один из видов ушу (##), часто подразумевает под собой именно гимнастику, хотя иероглиф цюань (#) «кулак» указывает на то, что это все же рассматривается как боевое искусство – (Прим. науч. ред.)

гу свободно говорить по-английски. Он часто повторял, что мой ломаный китайско-английский намного точнее передает китайскую философию и мне не нужно так стараться, чтобы его улучшить. Как команда преподавателей мы дополняли друг друга. Вдвоем мы были идеальным союзом, который помогал людям пережить то, что, по их мнению, они и так знают: перенести их из собственной головы в тело, а затем обратно – в сущность тела-разума. И наконец, Алан попросил меня проиллюстрировать книгу моими каллиграфическими иероглифами. Мы согласились, что плавные рукописные мазки «травяное письмо»³ очень живописно показывают путь воды *Дао*.

После того, как мы закончили главу «Дэ – добродетель», я заметил особый блеск в глазах Алана, он сказал: «Вот, наконец, мои читатели, как и я, будут довольны, когда прочитают эту часть, в которую я вложил все свои знания. Дальше в книге будут только веселье и сюрпризы!» Алан надеялся, что сможет донести *Дао* до читателей так, как он практиковал и проживал его каждый день. В жизни Алана открылись новые возможности. Он был точно ребенок, готовый и способный придерживаться нового курса, следовать за неизбежными изменениями энергии.

---

³ Цаошу ## – общее название нескольких скорописных стилей китайского письма. Вообще в данном случае иероглиф # обозначает скорее «быстрый», «небрежный», «неаккуратный», указывая на скоропись, но т. к. у него есть и значение «травы», то чаще его переводят более поэтично «травяное письмо» – (Прим. науч. ред.)

Это был наш последний совместный семинар в Эсалене, когда под конец полуденного занятия на нас всех снизошел дух – и мы смеялись, танцевали, катались по травянистым склонам, а потом мы с Аланом шли к своему жилищу, воодушевленные, обнимая друг друга и похлопывая по спине. Алан повернулся ко мне и начал говорить, – думаю, он собирался впечатлить своим красноречивым рассказом о том, какую успешную работу мы проделали на этой неделе. И я вдруг заметил в его выражении лица нечто новое, прорыв: от него исходило сияние, все вокруг искрилось! И Алан совсем иначе открыл мне свои чувства: «Да... Ха... Хо... Ха! Хо... Ла-ча-ом-ха... Дэг-дэг тэ-тэ... Та-дэ-дэ-та-тэ-та... Ха-тэ-тэ-ха-хом... Тэ-тэ-тэ...» Мы проговорили и протанцевали всю дорогу на вершину холма. Прохожие понимали, что мы говорим. А Алан знал, что никогда ранее он – даже в своих книгах – не выражался лучше, чем в тот момент.

На собрании, посвященном памяти Алана Уотса, в Дворце изящных искусств в Сан-Франциско кто-то из публики спросил у Джано Уотс: «Расскажите, каково это было – жить с Аланом?» Она ответила: «С ним не соскучишься! Он весь излучал радость и не было ни дня без сюрпризов. И самый большой сюрприз из всех был шестнадцатого ноября прошлого года». Тем последним вечером своей жизни Алан Уотс играл с воздушными шарами. Он говорил, что их невесомость и это ощущение полета похожи на его «душу, покидающую тело». Той же ночью его душа отправилась в новое

путешествие верхом на ветре, заливаясь радостным смехом.

Он оставил нас, живых, страшно тоскующих по его живости, полной человеческой бодрости. Но еще он оставил пустые страницы, вероятно, для нескольких глав о «радости и сюрпризах» в книге о *Дао*, которую он начал писать. Для многих, с кем он обсуждал свою работу или с кем встречался во время летних занятий по даосизму, пока писал эту книгу, «Путь воды», очевидно, что в последних двух главах из предполагаемых семи Алан хотел показать, как древняя, вечная китайская мудрость может стать лекарством от болезней Запада. А теперь, как бы парадоксально это ни звучало, но ее нельзя считать лекарством или «таблеткой», принимаемой умом, – нужно впустить ее в наше естество, чтобы она преобразила отдельные жизни людей, а уже через них – наше общество.

Эльза Гидлоу, давняя подруга и соседка Алана, часто обсуждала это со мной. Вот что она написала в дальнейшем:

«Алан считал, что современный человек мира технологий, пытаясь полностью подчинить себе природу (через которую он хотел увидеть себя отдельным существом) и все уклады человеческого общества, застрял в ловушке и сам стал подчиненным. Любой контроль требует еще большего контроля до тех пор, пока тот, кто «контролирует», не запутается окончательно. Алану нравилось повторять то, что Лао-цзы⁴ говорил императорам: «Управляйте огромной

---

⁴ Обратите внимание, что существует несколько традиций записи титула цзы

страной так, будто готовите мелкую рыбешку: без особых усилий»⁵. Но нужно понимать, что Алан никогда не считал, что «путь воды» в человеческих делах – это вялый, безответственный и апатичный образ жизни. Поток стекает не только вниз по склону. Вода и влага испаряются, покидают землю,

---

(#) (*букв.* «мудрец») и любых других титулов, к примеру, ван (#) (правитель, государь; в классике: «царь»), а также китайских имен вообще. Чаще всего титул *цзы*, как и любой другой, записывается через дефис, т. е. Лао-цзы, Чжуан-цзы, Сюнь-цзы, Мэн-цзы и т. п. Титулы не мудрецов и трудов, которые приписаны этим мудрецам, а правителей: Вэнь-ван, Лу-гун, Ци-хоу и т. п. Однако не все ученые придерживаются именно такой записи, а потому в сносках, при отсылке на другие труды, где читатель может обнаружить дополнительную информацию, в названии работ подобные имена могут писаться слитно: Лаоцзы, Чжуанцзы, Сюньцзы и т. п. Что же касается имен собственных, то сейчас через дефис принято выделять именно титул\должность, а вот фамильный иероглиф, плюс имя из двух иероглифов теперь принято писать без дефисов. Если раньше в научной русскоязычной литературе часто можно было столкнуться с именами в подобной записи: Чэн Ду-сю, Цюй цю-бо, Ван Ань-ши и т. п., то теперь традиция сменилась и их принято записывать слитно, не забывая отделять фамилию и имя: Чэн Дусю, Цюй Цюбо, Ван Аньши. Если проецировать на современность – имя и фамилия нынешнего председателя КНР, согласно старой традиции, записывалось бы как «Си Цзинь-пин», однако читатель никогда не сталкивался с таким написанием, т. к. традиция сменилась и принята запись, согласно которой эти фамилия и имя будут оформлены как «Си Цзиньпин». – (*Прим. науч. ред.*)

⁵ Стоит отметить, что данная фраза, открывающая 60 чжан Дао Дэцзина в оригинале не содержит в конце «без особых усилий» – это явно авторский комментарий-разъяснение при цитировании – ##### – т. е. «Управление великим царством подобно приготовлению малой рыбешки» (в эпоху Чжоу еще не было понятия «страна», а Китай представлял из себя множество царств – го (#)). И тут, конечно, весьма дискуссионный вопрос, стоит ли добавлять «без особых усилий», т. к. подразумевается здесь скорее принцип невмешательства, недеяния у-вэй (##), о котором подробно будет рассказано в основном тексте труда А. Уотса. – (*Прим. науч. ред.*)

ручейки, реки, океан, поднимаются в верхние слои атмосферы, это как будто «выдох», за которым следует «вдох», а он возвращает воду на землю в виде росы и дождя. Это удивительный круговорот, живое взаимодействие. Нет контроля, нет «главного», все происходит так, как должно, *цзыжань*.

Мы можем только предполагать, как в своих последних главах Алан собирался поведать Западу о том, что осознать и прожить путь *Дао* просто необходимо. Но мы знаем наверняка: *Дао* преобразило его, ведь он позволил проникнуть вглубь его естества, и потому замкнутый, в некоторой степени скованный молодой англичанин, который живет исключительно в своем мире, повзрослел и стал более открытым, непринуждённым, веселым мудрецом. Он верил, что повсеместное принятие глубокой мудрости даосизма может точно так же преобразить и Запад. И эта книга должна поспособствовать этому процессу».

Поэтому, когда все указывали на меня – мол, я должен взять на себя завершение этой книги, – я понял, что мне не следует подражать Алану или проникать в его мысли – мне нужно попытаться показать, опираясь на все свои знания о нем, куда именно он пришел. Первые сентиментальные попытки были, скорее, данью уважения. Я оживлял в памяти воспоминания об Алане Уотсе. Мне хотелось поделиться с читателями моим представлением о нем как о цельном человеке, а не только как о мыслителе и писателе. Я написал о нашей первой встрече, когда мы танцевали на пляже Сан-

та-Барбары, о нашем первом восточном ужине, на котором Алан говорил по-японски больше, чем я. Я писал о потрясающих событиях и моментах, что случались во время наших совместных семинаров, ведь тогда-то ясно проявлялось истинное *Дао* Алана как учителя и человека.

Я помню канун Нового года, когда мы попросили слепого барабанщика сыграть наш рукописный, каллиграфический диалог. Помню, как все подхватили настроение чернильных изгибов и брызг, оставленных кистью, и стали танцевать свой собственный танец, будто их тело – это кисть. Еще был случай, когда мы с Аланом повели слепую девочку в наш тело-разум через касания и движения – и она наконец увидела и почувствовала нас своим внутренним взором. Припоминаю ритуалы и игры, в которые мы играли, свадьбы, которые проводились не в привычном строгом порядке, а в духе истинной любви и единения. Импровизированный *тяною*, или чайные церемонии, которые проходили хоть и без аутентичной посуды, зато с глубочайшим уважением.

Алан мог философствовать и при этом веселиться. И главной задачей считал также веселить и свою аудиторию. Он мог легко перейти от серьезной учености и обязательного заучивания к новым, более высоким уровням радостного, естественного развития.

Ну а теперь все эти воспоминания – лишь мысли о минувшем. Что происходит с Аланом сейчас? Каковы теперь его непрекращающиеся «радость и сюрпризы»?

Накануне нового 1974 года, когда Алан проходил свой путь *бардо* (тибетский и китайский концепт промежуточного состояния между смертью и перерождением)⁶ длиной в сорок девять дней, а до его пятьдесят восьмого дня рождения оставалось совсем ничего, я видел весьма странный сон, в котором время, место и люди постоянно менялись. Сначала, как мне казалось, я был в Китае и видел монахов, — они пели во время ритуала, посвященного *бардо* моего отца. Затем я оказался в круглой библиотеке Алана, где он сам проводил службу, и говорил по-китайски голосом моего отца. Я играл на флейте, но она звучала, как гонг и деревянная коробочка. Затем Алан вдруг превратился в моего отца и заговорил на каком-то неизвестном языке, но я его прекрасно понимал. Грохочущий, раскатистый голос постепенно переходил в звуки бамбуковой флейты, на которой я играл, наблюдая за движениями его губ. Мой взгляд сфокусировался на черной подвижной пропасти его рта, и я видел комнату, полную звуков, вихрей цвета и света, я погружался все глубже и глубже и обнаружил спокойствие размеренной игры флейты. Проснувшись, я не понимал, кто я, какой сейчас день и где я нахожусь. После этого я летел по небу — не помню, на самолете ли? — и к середине первого дня нового года уже был у Алана в библиотеке.

Впервые после того, как он ушел, — а это случилось в ноябре, — я почувствовал себя поистине близким ему, когда си-

---

⁶ На самом деле, термин «бардо» (по-тибетски

дел на улице перед панорамным окном (за которым внутри стоял алтарь с прахом Алана) и играл на флейте, а долины и холмы мне вторили эхом.

Это был ясный и чудесный день. Я взял у Джано ботинки для восхождения в горы, подвязал под подбородком накидку, взял тибетскую трость Алана и отправился вниз по тропе – прямо в глубины леса. Звук флейты возвращал меня к Алану, к тому, что есть вечное тело-дух. Когда я возвращался тем же путем, будучи почти на вершине холма, увидел, как прямо передо мной расцвел похожий на орхидею цветок. Я спросил его: «Что есть каждодневное Дао?» И тогда орхидея, *лань* – это второй слог в китайском имени Алана – ответила: «Да ничего особенного».

Мы же не слышим, как природа кичится тем, что она природа, да и вода не устраивает конференций на тему «техника течения». Столько слов могло быть потрачено зря на тех, кому это и не нужно! Человек *Дао* живет в *Дао*, как рыба в воде. Если бы мы учили рыбу – мол, ты должна знать, что вода состоит из двух элементов – водорода и кислорода, – она просто умерла бы со смеху.

Несколько месяцев я упорно пытался заполнить пустые страницы его книги и только выбрасывал всю свою писанину в мусорную корзину, пока вдруг не вспомнил одно утро в Чикаго. Алан проводил семинар и уже необычайно устал, даже слегка не соображал, когда ему задали супер-мега-интеллектуальный-важнее-самой-жизни вопрос. Прошло несколь-

ко секунд. И лишь некоторые из нас, кто накануне был с Аланом, знали, что он просто решил немного подремать, пока все остальные ждали и думали, что он просто медитирует, размышляя над вопросом. Наконец очнувшись, он понял, что напрочь забыл вопрос, и очень тонко и красноречиво выкрутился, придумав куда-более-супер-мега-интеллектуальный-важнее-всего-на-свете ответ, чтобы поразить всех нас.

Я слышу его смех. Всякий раз, когда попадаю в ловушку своих мыслей, я обращаюсь к нему. И во всех наших духовных диалогах ответ Алана всегда простой: «Ха-ха-ха-ха-ха! Хо-хо-хо-хо-хо! Ха-ха-ха-ха-ха...» Так давайте же все мы посмеемся от души, мы, люди *Дао*! Ведь, как говорил Лао-цзы: «Без смеха *Дао* не было бы таким, какое оно есть».

Предисловие автора

Некоторые китайские философы, жившие в – V и – IV веках, писали об идеях и укладе жизни, которые затем стали называть даосизмом – о взаимодействии человека с течением природного мира. Эти принципы мы можем наблюдать в течении воды, воздуха, в огне. Затем они были запечатлены на камне и дереве, а еще позже – во многих других формах искусства. То, что они хотели нам сказать, играет важнейшую роль сейчас, когда мы, люди +XX века, начинаем понимать, что наши попытки с помощью техники подчинить и «выпрямить» природу могут привести к разрушительным последствиям⁷.

Сомневаюсь, что мы можем дать точную и объективную, с точки зрения науки, оценку тому, что было в мыслях тех философов, ведь они жили очень давно, а истории свойственно постепенно угасать, точно звуку или волнам на воде. Достаточно сложно определить точное значение слов в китайском языке того времени, и хотя я высоко ценю научные методы, пытаюсь их придерживаться, большой интерес для меня представляет именно то, что это далекое эхо философии значит для меня и для нашей собственной истории. Други-

---

⁷ Обратите внимание, что я использую упрощенную формулу замены дат Джозефа Нидэма. «—» используется для обозначения «до н. э.», «+» же означает «н. э.».

ми словами, это резонно – пытаться понять, что же на самом деле произошло в те далекие времена, и разобраться в деталях философии. А что потом? Когда мы сделаем все возможное, чтобы увековечить прошлое, мы пойдем дальше, ведь необходимо извлечь из него пользу для нашего настоящего – вот что для меня важнее всего, пока я пишу эту книгу. Я хочу истолковать, прояснить принципы произведений Лао-цзы, Чжуан-цзы и Ле-цзы в выражениях и идеях нашего времени и предоставить как можно более приближенные к оригиналам переводы, которые, без лишнего перефразирования и поэтического приукрашивания, относятся к технике искусного переводчика Артура Уэйли⁸, хотя и с некоторыми незначительными оговорками.

Я конечно же многим обязан работам и методам Джозефа Нидэма⁹, а также его коллег из Кембриджского университета, ведь благодаря им появилось крупное произведение в несколько томов – «Наука и цивилизация в Китае». И несмотря на то, что я не считаю эту книгу гласом Бога, она для меня – удивительный исторический труд нашего столе-

---

⁸ Артур Уэйли (Arthur David Waley) (1889–1966) – ориенталист и переводчик. Именно благодаря ему англоязычный читатель познакомился с выдающимися произведениями японской и китайской (в том числе и философской прозы) литературы, а также с переводом и исследованием Трипитаки. – (*Прим. науч. ред.*)

⁹ Ноэль Джозеф Тееренс Монтгомери Нидэм (Noel Joseph Terence Montgomery Needham) (###) (1900–1995) – ученый чрезвычайно широкого круга интересов – биохимик, эмбриолог, однако, в первую очередь, известен как синолог благодаря своим исследованиям традиционной китайской культуры и литературы. – (*Прим. науч. ред.*)

тия. У Нидэма определенно есть талант – он может превратить задокументированные научные работы в повести, а их интересно читать. Благодаря знакомству с его книгами и с ним самим я смог понять, насколько хорошо я знаком с *Дао*. Он также понимает, что писать об истории или философии – это, как научное исследование, дело социальное, а потому в его книге скорее слышится хор, нежели соло. Мне искренне жаль, что синологи – особенно в Америке – слишком придирчивы к работам друг друга. А Нидэм, напротив, всегда великодушен не в ущерб себе. Далее я попытаюсь показать, как принципы *Дао* примиряют социум и личность, порядок и беспорядочность, единство и многообразие.

В заключение хочу сказать, что я не собираюсь проводить популярный и статистически верный опрос касательно того, как китайцы видели и видят сейчас даосский образ жизни. У подобных дотошных исследований культурной антропологии хоть и есть своя положительная сторона, но мне скорее интересно, как столь древние записи затрагивают струны моего собственного мозга, который, несомненно, настроен на гамму западной культуры. Хотя я ни в коем случае не пренебрегаю точной описательной информацией – Буквой, все-таки Дух интересует меня куда больше, ведь в нем происходит подлинное переживание и чувствование того склада жизни, которые и есть следование *Дао*.

Пролегомены

Библиография

Во избежание утомительных примечаний, библиографические ссылки на западные ресурсы будут обозначаться, например, следующим образом: «Г. А. Джайлз¹⁰ (1)» или «Легг¹¹ (2)» – по имени и цифре в библиографии можно узнать о более подробном списке работ. Отдельный список литературы представлен для китайских ресурсов, и отсылки для них выделены курсивом: «Чжуан-цзы 12». Китайские иероглифы для коротких слов и фраз напечатаны на полях рядом с транскрибированными на западный манер словами.

Перевод

Хочу признаться, что я ни в коем случае не считаю себя

---

¹⁰ Герберт Аллен Джайлз (Herbert Allen Giles) (###) (1845–1935) – британский дипломат и синолог. В первую очередь известен тем, что усовершенствовал систему романизации китайского языка (путунхуа), разработанную Томасом Уэйдом и известную как транскрипционная система Уэйда – Джайлза, о которой сам автор напишет ниже. – (Прим. науч. ред.)

¹¹ Джеймс Легг (James Legge) (###) (1815–1897) – британский синолог, миссионер, переводчик множества трудов китайской литературы.

похожим на таких ученых и переводчиков китайского языка, как Джайлз, Уэйли, Демьевиль¹², Гурвиц, Бодде¹³, Уотсон¹⁴ или Нидэм – и это не говоря еще о таких китайских учителях, как Ху Ши¹⁵ и Линь Юйтан¹⁶. Но я имею смелость пола-

---

¹² Поль Демьевиль (Paul Demiéville) (1894–1979), швейцарско-французский синолог и востоковед, известный своими исследованиями манускриптов Дуньхуана и буддизма и его переводами китайской поэзии. – (*Прим. науч. ред.*)

¹³ О Бодде см. ниже комментарий к переводчику Дао Дэцзина – Фэн Юланю. – (*Прим. науч. ред.*)

¹⁴ Уильям Уотсон (William Watson) (1917–2007) – британский историк, профессор в области китайского искусства и археологии. Внес большой вклад не только в изучение искусства Китая, но и Японии, организовывал также археологические экспедиции в Таиланд. – (*Прим. науч. ред.*)

¹⁵ Ху Ши (##) (1891–1962) – видный философ и деятель культуры. Был одним из активистов движения 4 мая 1919 года (#####), способствовал во многом формированию китайского языка. Находился в правительстве Чан Кайши, а потому после 1949 года вслед за правительством Китайской Республики перебрался на Тайвань, где стал президентом академии Синика. В то же время в Китайской Народной Республике после 1949 года стал объектом критики нескольких политических кампаний. Неофициальная реабилитация Ху Ши в КНР произошла уже после Культурной революции, когда в середине 1980-х годов стали появляться статьи, в которой указывались не только его ошибки, но и признавались его заслуги. – (*Прим. науч. ред.*)

¹⁶ Линь Юйтан (###) (1895–1976) – философ, литератор. Самой известной его работой является книга «Моя страна, мой народ» (My country and my people \ #####), которую он написал, уже проживая в США, сперва на английском, а потом и на китайском языках. Ему также принадлежит проект китайской печатной машинки. Первый ввел концепцию юмора юмо (##) в китайский язык, ранее, как писал он, в языке не было нейтрального понятия «смеха», которое бы обозначало «юмор», были лишь термины, обозначающие смех над кем-то, над чем-то (конечно, это довольно спорное утверждение, но понятия «юмор» в китайском действительно не было, а понятие «радость» все же не во всем с ним пересека-

гать, что понимаю основные принципы даосизма куда лучше, чем те ученые, чей интерес ограничивается только филологией. Так что, если я привожу чей-то перевод, я подписываю: «пер. Линь Юйтан (1)». А если я сравнивал несколько переводов одного отрывка и вносил какие-то коррективы, это обозначается так: «пер. Уотсон (1), с изм. авт». Если перевод полностью мой, обозначение следующее: «пер. авт». Еще я хотел бы признаться в своей глубокой любви к латинизмам, таким как *ibid.*, *[sic]*, *q. v.*, *et seq.* и *e. g.* – сокращениям таких фраз, как «из той же работы», «хотите верьте, хотите нет, но здесь именно так и написано», «отсылка на упомянутый источник», «и далее», «к примеру». Их можно найти в любом хорошем английском словаре.

Романизация

Сегодня не существует абсолютно точного способа романизации (транскрибирования) китайского и японского языков¹⁷. Слово «Дао» будут произносить как «дау» в Пеки-

---

ется). Также был номинирован на Нобелевскую премию за книгу «Мгновение в Пекине» (*Moment in Peking*). – (*Прим. науч. ред.*)

¹⁷ Собственно, в данной книге автор в оригинале пользуется транскрипцией Уэйда-Джайлза. Это более старая, чем пиньинь, официально принятая в данный момент на территории КНР, система романизации стандартного китайского языка (путунхуа), иногда всё ещё использующаяся в англоязычных странах (а в данной книге все, что касается параграфа «Романизация», было написано автором именно с учетом этой системы). Для русскоязычного читателя здесь была

не, «тоу» в Кантоне и «доо» в Токио. Но если бы я заменил «Дао» одним из этих вариантов, тогда я бы безрассудно ввел в заблуждение читателей, знакомых с историей Китая в контексте британской, американской и европейской литературы. Также существует слово, которое транскрибируют как «тао» (в Пекине его произносят как «тау»). Это слово, в зависимости от высоты тона гласной и контекста, в котором оно используется, может означать «желание», «безрассудство», «высокомерие», «сомневаться», «вытягивать» или «вычищать», «разливаться», «ножны» или «колчан», «пояс» или «шнурок», «обжорство», «персик», «распутство», «супружество», «сбегать», «барабан», на котором играют руками, «плакать», «чистить», «связывать» или «заплетать», «печь для обжига», «радоваться», «умолять», «наказывать» или «уничтожать», «чурбан» (и в ругательном значении «болван» тоже), «большие волны», «упаковка вещей». Прежде чем вы скажете, что это все нелогично, просто посчитайте количество значений английского слова «jack» – и это еще без ударения! А вот если говорить про «тао»: почти для всех значений этого слова используют совершенно

использована передача тех же названий с помощью транскрипционной системы Палладия, которая является официальной в России для фиксации стандартной произносительной нормы – путунхуа. Также стоит обратить внимание читателя на тот факт, что в книге используется неупрощенный вариант написания иероглифов, так как тексты, которые цитирует автор, – классика, написанная задолго до проекта по упрощению иероглифики, проведенного в КНР в середине XX века. – (Прим. науч. ред.)

разные иероглифы.

В англоязычных странах наибольшей популярностью пользуется транскрипционная система Уэйда-Джайлза, которая далее представлена в виде таблицы, так как я, несмотря на все недочеты, буду пользоваться именно ею. Человек, не знающий китайского, никогда бы не догадался, как произносятся слова. Как-то у меня было такое злобно-шутливое настроение, и я подумал, что профессора Уэйд и Джайлз придумали все это, чтобы провести четкую границу между людьми необразованными и истинными учеными. Как альтернативный вариант можно назвать несуразную систему его преподобия профессора Джеймса Легга – к примеру, вместо «Chuang-tzu» он пишет «Kwang-##ze», а для этого нужен причудливый шрифт. И если вводить столь странные буквы, может, тогда оставить и использовать сам китайский? А еще я серьезно задумался над тем, чтобы использовать исправленную Нидэмом систему Уэйда-Джайлза, которая предлагает заменить «Tao» на «Thao» и «Chhang» на «Ch`ang». Но меня не покидает чувство, что даже апостроф здесь выглядит не так плохо с точки зрения эстетики, как удвоенная «h», которая, в общем-то, ничего не меняет: «Chang» произносится как «чжан», а «Ch`ang» – как «чан». Какая-то неразбериха! В китайском квартале в Сан-Франциско они произносят «Feng» Уэйда-Джайлза как «Fung» (звук «а»), а «Wang» как «Wong». А ресторан под названием «Wooeu Looeu Gooeu» называют так, чтобы рифмовалось с англий-

ским «boy» – «Вой Лой Гой».

Проблема при транскрибировании стала еще более комичной, когда закончилась Вторая мировая война и японское правительство попыталось узаконить новый ромадзи, в котором «Фудзи» становится «Худзи», а принц «Чичибу» превращается в принца «Титибу», – это все было сделано по принципу, который учитывает, что не только англоговорящие люди должны понимать романизацию японского языка. И пока немцы называли бы тот величественный вулкан «Ootzee», американцы и британцы хохотали бы над принцем «Титибу». К счастью, японцы оставили эту идею, хотя многие американцы продолжали называть «Киото» и «Хаконе» – «Кай-оат-оу» и «Хэк-оун». А сколько еще трудностей приходится преодолевать, когда пытаешься романизировать языки, у которых есть алфавит – например, тибетский и санскрит, которые, как нам кажется, придумали такими сложными неслучайно. Ученые в этом разобрались, и поэтому, если я хочу рассказать вам о Кришне, мне придется попросить типографа напечатать «Kṛṣṇa». Но кому, кроме тех, кто уже знает, как пишется это слово, это что-нибудь скажет?¹⁸ Подобно тому, как в экономике некоторых стран

---

¹⁸ Я мог бы использовать несколько гротескный алфавит Международных фонетических символов, которым пользуется Форрест (1) для обозначения китайских слов, но тогда ни один читатель не смог бы уловить их смысл. Эту проблему не решить. Помню, ребенком я задумал записать все, что я знаю, но так, чтобы это было понятно для людей через тысячу лет. Но тогда я понял, что мне нужно придумать таблицу с буквами и их произношением, для чего мне пришлось ис-

богатые становятся еще богаче, а бедные – беднее, так и в узкопрофильных предметах современной науки ученые становятся еще умнее, а необразованные – еще невежественнее, и это происходит до тех пор, пока два класса не перестают понимать друг друга вообще. Я пишу эту книгу, чтобы попытаться устранить разрыв между ними. А теперь предлагаю тем, кто не знаком с транскрипционной системой мандаринского диалекта (*гуаньхуа*) Уэйда-Джайлза, взглянуть на нее.

Произношение китайских слов¹⁹

Согласные

Глухие, с придыханием: *p`*, *t`*, *k`*, *ch`* и *ts`* – п, т, к, ч, ц

Звонкие, без придыхания: *p*, *t*, *k*, *ch* и *ts* (или *tz*) – б, д, г,

чж, цз

hs или *sh* – с и ш

j – ж

Гласные

a – а

пользовать как раз этот самый алфавит!

¹⁹ Как уже было сказано выше – здесь автор приводит транскрипцию Уэйда-Джайлза, а потому латинские обозначения для некоторых звуков в его таблице могут не совпадать с теми, которые может обнаружить читатель в общепринятой на данный момент транскрипционной системе Пиньинь, так, к примеру сочетанию «*ts \ tz*» у Уэйда-Джайлза соответствует «*z*» в Пиньине, «*ts`*» – «*c*», «*hs*» – «*x*», «*ih*» – «*i*» и т. п. – (Прим. науч. ред.)

e – э

eh – э

i – и

ih – между *и* и *ё*, как в английском слове «shirt»

o – о

u – у

ü – ю

Дифтонги

ai – ай

ao – ао

ei – эй

ia – йа

ieh – между *иа* и *э*

oi – оу

ua – уа

ueh – уэ, похоже на *er* в английском слове «doer»

ui – уэй или уй

uo – уо

Сочетания

an и *ang* – ань и ан

en и *eng* – эннь и эн

in и *ing* – иннь и ин

un и *ung* – унь и ун

Исторические справки

До недавнего времени многие верили, что Лао-цзы (еще известный как Лао Тань или Ли Эр) был человеком, который жил в эпоху Конфуция (Кун Фу-цзы) в – VI и – V веках, а предполагаемые годы жизни Конфуция – с –552 до –479. Имя «Лао-цзы» означает «старый ребенок», и произошло оно из легенды, которая гласит, что Лао-цзы был рожден седовласым. Годы его жизни взяты из весьма неоднозначного отрывка, принадлежавшего историку Сыма Цянь (с –145 до –79), который говорил, что Лао-цзы заведовал королевской библиотекой в столице Ло-ян, где и встретил Конфуция в –517 году.

«Ли [Лао-цзы] сказал Куну [Конфуцию]: «Люди, о которых говоришь ты, уже мертвы, а кости их – прах. От них остались лишь их слова. Если у человека возвышенного появляется возможность, он поднимется высоко. Но если время против него, его уносит силой обстоятельств. Я слышал, что хороший торговец, хотя у него и есть надежно спрятанные богатства, кажется нищим. И что возвышенный человек, несмотря на всю свою добродетель, кажется глупым. Откажись от своей гордости и многих желаний, вкрадчивой манеры и необузданной воли. Тебе от них никакой пользы нет. Это все, что я хотел тебе

сказать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.